

Сомнение и интуиция в античной философии

© С.Г. Жданов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрено соотношение необъективного и объективного сомнения, а также интуиции в философии Сократа, Платона и других античных мыслителей.

Ключевые слова: интуиция, необъективное сомнение, объективное сомнение, необходимость, античная философия, познание

Познавательная ситуация почти всегда включает наивное допущение о существовании изучаемого объекта в реальном мире, окружающем человека. Эта ситуация как бы втягивает критически мыслящего человека внутрь себя, и прежние наивные сомнения и вопросы о существовании объекта превращаются в глубинные вопросы, последовательность которых способна превратиться в развивающуюся систему научного знания.

Рассмотрение вопроса динамики научного знания предполагает сравнение его постпозитивистских моделей. При этом важно не только исследовать историю знания как такового, но и выделить его внешние и внутренние компоненты. Попперовская модель динамики научного познания подчиняет развитие науки внешнему фактору — системе строгих стандартов. Данный фактор свидетельствует о том, что люди стремятся к внешне строгому знанию и более строгому критическому незнанию о мире, о невозможности получить знание из опыта. Казалось бы, социальные и психологические причины научного поиска естественно отнести к внешним факторам, однако у таких философов, как Т. Кун, М. Полани, П. Фейерабенд, они больше соотносимы с внутренней динамикой науки. Для Т. Куна факты лишь относительно ценны, поскольку они включаются во внешнюю по отношению к фактам парадигму [1].

Исторически схожее деление на внутреннюю и внешнюю динамику знания можно проследить уже в Античности. Сократ ставит задачей своего познания любовь к мудрости. Он ищет такие особенные внутренние предикаты суждений, которые были сокрыты в глубинных тайнах души. Душа не сомневается в себе как субъекте, однако она стремится, возможно, бессознательно, к новым признакам совершенства в своем преображении в любви. Напротив, Платон, полагая субъектами познания вечные и прекрасные идеи, считает предиди-

каты несущественными и производными от них. Рассуждение о познании дается им во внешней динамике, поскольку мир идей выступает как готовое абсолютное знание и одновременно как внешний по отношению к человеку стандарт. Платон вводит в познание внешнее сомнение в субъекте как сомнение в высказывании. Для его описания он использует труднопереводимое на русский язык понятие *σωφροσύνη* — благоразумие (перевод А.Ф. Лосева) или сдерживающая мера (перевод В.Ф. Асмуса). Впрочем, сложно сказать, что именно подразумевали Сократ и Платон относительно задач познавательного сомнения, так как мыслители писали преимущественно об истинности знания, а не о сомнении.

Само понятие «сомнение» предполагает два противоположных суждения, и оба обладают почти равносильной достоверностью. В качестве гипотезы можно полагать, что в одном случае сомнение относится к субъектам суждений, а предикаты сомнения не вызывают. В другом случае сомнение будет относиться к предикатам суждения, а субъект суждения сомнений не вызывает.

Первый случай — философия Сократа, в ней происходит поиск еще неизвестных и особенных предикатов любви к мудрости, субъект сомнения не вызывает, и сомнение является внутренним, относящимся к предикатам, оно бессознательно, созерцательно и необъективно. Французский философ XVII в. К. Гельвеций сравнивал процесс познания с судебным процессом: пять органов чувств — это пять свидетелей, только они могут дать истину. Его оппоненты, однако, возражали ему, заявляя, что он забыл судью [2].

Второй случай — философия Платона, который ищет субъекта абсолютного знания. Сомнение здесь внешнее и объективное. Следовательно, объективное сомнение вовне представимо сомнением трансцендентальным. Кроме того, объективное сомнение есть сомнение дискурсивное, опирающееся на философскую рефлексию. Необъективное сомнение внутри есть при целостности субъекта суждения сомнение имманентное. Необъективное сомнение в сократическом случае любви к мудрости присутствует в познавательной ситуации почти постоянно и незаметно, оно экономит озарение бессознательной интеллектуальной интуиции как ложный или истинностный результат, конкретный, скрытый до поры в глубинах познавательной задачи.

На самом деле довольно трудно определить, каким является у истоков познавательной ситуации отдельно взятого мыслителя сомнение — случайным, вообще не затрагивающим связи между субъектом и предикатом, необъективным или объективным.

В диалоге «Филеб» Платона познавательная ситуация начинается с сомнения и реализуется в бессознательной сфере «припоминающей души»:

«С о к р а т. Что это мерещится мне стоящим там у скалы, под деревом? Не кажется ли тебе, что он сказал это себе, если бы ему померещилось нечто подобное?»

П р о т а р х. Отчего же не сказать?

С о к р а т. А если бы он вслед за тем ответил себе, что это человек, разве не наугад сказал бы он так?

П р о т а р х. Конечно, наугад.

С о к р а т. Подойдя же поближе, он, может быть, сказал бы, что видимое им есть изваяние, поставленное какими-нибудь пастухами?

П р о т а р х. Весьма возможно.

С о к р а т. А если бы кто-нибудь был возле такого человека и слова, сказанные самому себе, этот человек обратил бы теперь к присутствующему, то разве то, что мы прежде называли мнением, не стало бы речью?

П р о т а р х. Как же иначе?

С о к р а т. А ведь когда ему случается наедине с самим собой размышлять об этом, то в иных случаях он проводит в таких размышлениях продолжительное время.

П р о т а р х. Совершенно верно.

С о к р а т. Так как же? Думаешь ли ты относительно этого то же, что и я?

П р о т а р х. Что именно?

С о к р а т. Мне представляется, что наша душа походит тогда на своего рода книгу.

П р о т а р х. Как же?

С о к р а т. Память, направленная на то же, на что направлены ощущения, и связанные с этими ощущениями впечатления кажутся мне как бы записывающими в нашей душе соответствующие речи. И когда такое впечатление записывает правильно, то от этого у нас получается истинное мнение и истинные речи; когда же этот наш писец делает ложную запись, получают речи, противоположные истине.

П р о т а р х. Я с этим совершенно согласен и принимаю сказанное» [3, с. 42].

В диалоге «Филеб» Платона имеются два противоположных суждения, которые вызывают сомнение. По словам Сократа, можно считать это сомнение необъективным, так как оно при первом приближении якобы опирается на предикаты. Сомнение, опирающиеся на предикаты виденного, есть необъективное сомнение. Сократ указывает на сомнение именно в субъекте суждения, а не в предикатах: «И слова, сказанные самому себе, этот человек обратил бы теперь к присутствующему» [3]. Следовательно, Платон устами Сократа объективирует сомнение. Как было отмечено выше, объективное сомнение свойственно основаниям познавательной ситуации в учении Платона,

стремящегося к абсолютному знанию. В приведенном фрагменте из диалога «Филеб» объективное сомнение разрешается бессознательным озарением: «Впечатления кажутся мне как бы записывающим в нашей душе» [3], — интеллектуальной интуицией. Припоминание в душе есть озарение, о чем свидетельствует фраза: «Наша душа *походит тогда* на своего рода книгу» [3]. Объективность сомнения в философии Платона в качестве основания познавательного действия отмечал и С.Л. Франк в труде «Верховное постижение Платона» на примере «Мифа о пещере»: «Оставим пока хронологию в стороне. Присмотримся к живому и огромному смыслу этого синтетического свидетельства Платона о самом себе. С не допускающей никаких сомнений определенностью Платон говорит о солнечном постижении, т. е. о постижении Солнца, или истины самой в себе. Если могут быть какие-нибудь сомнения или, вернее, вопросы, то не о характере и не о безусловности постижения, а лишь о том, свое ли постижение имеет в виду Платон или чье-нибудь чужое, и к себе ли относится освобождение от уз, выходение из пещеры и узрение самого источника света или же говорит об этом с чужих слов» [3, с. 466]. В диалоге «Алкивиад 1» Платон устами Сократа говорит: «...именно душа — это человек... Следовательно, тот, кто велит нам познать самого себя, приказывает познать свою душу» [4, с. 259].

Само познание Платон отождествлял с таким состоянием: люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы как неразрешимая проблема, так что людям не двинуться с места, и в этом смысле их действие есть действие непосредственно ума. И видят они только то, что у них прямо перед глазами, т. е. ту задачу, которая только непосредственно перед ними, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине. Первое познавательное действие, которое вводит Платон в познание, это деструкция «света» в познании, что соответствует его теории познания как припоминания. В теории познания Платон трансформирует физический «свет» (парадоксально, но существует предрассудок, что свет сопутствует познанию, а Платон именно его и трансформирует), и в «темноте» он опирается исключительно на опыт чистой интуиции в познании. В познании как действию (по Сократу, это действие есть путь к благу) он закладывает направление действия, а также задает интенцию трансформации, которая отчасти в философии в своей первичной форме будет действовать как критицизм. Удаленность от освещения позволяет Платону ставить познавательную задачу как деятельность, и в этом заслуга теории познания мыслителя, как бы объективированная его теорией идей. «...Явления не есть вещи в себе.

Эмпирическое созерцание возможно только посредством чистого созерцания (пространства и времени)... синтез пространства и времени как существенных форм всякого созерцания есть то, что дает возможность также схватывать явление, следовательно, делает возможным всякий внешний опыт, а потому и всякое знание о предметах его, и все, что математика в ее чистом применении доказывает в этом синтезе, не может быть неправильно и в отношении этого знания о предметах» [5, с. 142].

В зависимости от положения человека (близость или удаленность от источника освещения) сами тени вещей могут быть то менее, то более четкими задачами. И познание вещей является либо мнением, либо мышлением, и только мышление как особенным образом исполненная задача имеет актуальность как возможность, как превосходящую задачу достижения сущности, идеи (идеи добра, красоты, справедливости и т. п.). Достигнуть сущности может не всякий человек из пещеры, а только опирающийся на уже полученные разумом рассуждения, ведь действия его ограничены оковами на ногах и шее. Здесь платоновская пещера смыкается с его концепцией знания как припоминания (или воспоминания). Ее суть в том, что припоминают то, что было не только в их жизни и оказалось уже в прошлом (идеи, т. е. знание об общем и существенном), но и у их предков. Вечность идей состоит также в том, что с ними как с образцами, с существом вещей соприкасались предки этих людей и данные идеи перешли в их жизненный опыт в спящем латентном виде как к наследникам, готовым разбудить их для возможных непосредственных задач.

Познающий человек, соприкасаясь с тенями, как бы припоминает то, что когда-то уже было в опыте человека до него. Все вещи находятся в состоянии непрерывного перехода от небытия к бытию и обратно. Знание есть плод единомоментного созерцания актуальной сверхзадачи (К.С. Станиславский). Здесь при сверхзадаче возникает ситуация, когда необходимо обращение к такой способности познания, которая получила в дальнейшем, у более поздних философов, название «интуиция». Итак, интуиция позволяет, по Платону, во-первых, схватить в познании идеи неожиданное, единомоментное состояние изменяющейся вещи (т. е. получить внезапность, столь нужную для интуитивного озарения). Во-вторых, она позволяет уйти в самого себя (погрузиться в сферу бессознательного), чтобы приблизиться и познать сущность вещи, ее идею. Б. Рассел как бы ругает, нивелирует, упрощая такое состояние платоновской гносеологии, отмечает, что доводы сильны и совершенно обособлены от метафизической части учения, трансформируя независимо от учения Платона сам по себе термин «интуиция». Интуиция фактически является аспектом и продолжением инстинкта. Как и все инстинкты, она пре-

восходно действует в обычных обстоятельствах, сформировавших привычки животного, но совершенно бесполезна, как только обстоятельства меняются и требуется какой-то непривычный образ действия. Познавательная проблема интуиции очевидна. И если пойти по пути ее упрощения (Б. Рассел), то она будет загнана внутрь познания, а попытки для ее прояснения не будут предприняты. Однако Б. Рассел резко развел понятия «творчество» и «интуиция». Он имел подход к творчеству, опирающийся на рациональную чистоту. Платон в «Протагоре» пишет: «Знания же нельзя унести в сосуде, а поневоле придется, уплатив цену, принять их в собственную душу и, научившись чему-нибудь, уйти либо с ущербом для себя, либо с пользой» [4, с. 423].

Последующее в философии изменение понимания творчества как интеллектуальной интуиции вовсе не разрывает их, а подтверждает в той или иной степени значимую связь. Б. Рассел отвергает любую связь или соотнесенность в творчестве: творческой составляющей человеческой деятельности следует предоставить максимально возможную свободу от общественного контроля, чтобы она могла оставаться спонтанной, а интуицию он называет продолжением инстинктов. Философия существует как бы сама по себе, и только мыслители открывают предельные границы философствования.

Люди рождаются с этой способностью к творчеству, с системой внутри себя. Творчество — естественная потребность людей. Но приходя на сцену, люди теряют то, что дано природой, и вместо творчества начинают наигрывать и представлять. Аристотель был далек от прямого общения с софистами в той степени, как с ними контактировали Сократ и Платон, что не могло не сказаться на его философском мировоззрении. Аристотель, хоть и являлся лучшим продолжателем философии Платона, но он был уже мыслителем другого творческого порыва в отличие Платона.

У Платона «интуиция» схватывает в познании неожиданное в идее и является непосредственной в отличие от творчества, которое опосредовано у Платона творящим Демииургом в диалоге «Тимей» [6]. Творчество опосредовано самой греческой философией замыслом Блага. Познание вырывается вперед творчества своей непосредственностью, а творчество как бы остается на месте, ибо античная философия космоцентрична и человек есть также Космос в своем роде. Лишь намеки антропоцентризма есть в греческой философии — в сократических идеях, в «Воспоминаниях» Ксенофонта, в Поздней стое Зенона и Хрисиппа. В христианстве творчество становится креативным «из ничего», точнее, непосредственным, преодолевая дискурсивное состояние блага античной философии. Разрыв между познанием и творчеством в античной философии не мог привести к по-

ниманию трансцендентного применительно к творчеству, и трансцендентное было ограничено лишь божественным пониманием высот космических звезд как самого высшего блага. Пути поиска связи творчества и становления в представлении трансцендентного можно проследить у Аристотеля.

Сомнение разрешается или реализуется в предпочтительных условиях щедрости или некоторым озарением благоразумия в интеллектуальной интуиции. Интуиция требует последующего подтверждения своей истинности или, наоборот, ложности. Результат интуиции после озарения сохраняет некоторую неопределенность. Ряд суждений, в том числе и суждения с сомнением, предположительно легко можно объединить в одно суждение. Всякий пример импликации в таких суждениях в качестве логического следования можно рассматривать как условно имплицитный. Отметим условия логического следования при импликации:

- между ложными суждениями следование есть истина;
- между ложным суждением и истинным суждением есть истина;
- между двумя истинными суждениями возможно ложное следование.

На практике и в научных суждениях происходит соприкосновение с альтернативными картинками мира или конкурентными предпочтениями, не все из которых могут быть истинными.

В познавательных формах согласуются несколько объектов или операции, которые при других согласованиях понимаются иначе. Примерами познавательных форм могут служить административные бланки, анкеты, в которые респонденты могут вкладывать абсолютно любое содержание. В итоге даже при сомнительном содержании форма имеет познавательный имплицитный статус. Формальными могут быть и церемониальные действия, которые различные по статусу индивиды реализуют в какой-либо ситуации. Импликация применима к любой познавательной ситуации, где встречается задача или проблема, а первоначальные условия открыты для детерминации проблемной ситуации или результата. Примером детерминированной импликации может служить циферблат часов. Также время связано с экономией жизненных сил человека, что, собственно, человеку свойственно от природы, и интуиция здесь как озарение («благоразумие» в платоновском смысле) выступает экономией объективного и необъективного сомнения. В объективном сомнении человека интересует внешнее сомнение: «Который час?» Объективное сомнение в субъекте суждения — трансцендентно. Оно разрешимо через субъект суждения, точнее, заменой интуитивной экономией одного субъекта другим, где правомерным интуитивным ответом может служить какой-нибудь один из таких ответов: утро, день, полдень, вечер или глубоко-

кая ночь. Необъективное внутреннее, отчасти имманентное, сомнение в признаках некоторого «часа» предикативно в признаках «минут». Необъективное сомнение в силу своей бессознательности постоянно сопровождает человека, даже когда он смотрит на циферблат своих часов, он как бы переспрашивает себя, видя непосредственно минуты: «Не спешат или не отстают ли часы?»

В истории философии трудно категорично и однозначно определить, какое сомнение (объективное или необъективное) было в истоках творчества мыслителя. Однако некоторую закономерность можно предположить в качестве гипотезы. Есть много оснований считать сомнение как принцип достоверности в философии Р. Декарта объективным сомнением, внешним по отношению к методам. Философию Б. Спинозы возможно представить экономией необъективного сомнения. В философии Спинозы сама природа как субъект сомнения есть целостность, а экономией необъективного сомнения познаются ее явления. Философия А. Бергсона находится в истоках экономии объективного сомнения. Люди постоянно сталкиваются с решением внешних и внутренних задач в ходе исследовательской деятельности. Б.С. Грязнов предложил различать познавательные вопросы по особенностям ответа на них: ответ, которым является одно или несколько утверждений теории, есть ответ на задачу; ответ, которому соотносима теория в целом, есть ответ на проблему как таковую. Таким образом, историей научных исследований будет являться история внутренних имманентных решений научных задач [6, с. 114].

Итак, наличные вопросы познавательных ситуаций позволяют преодолевать объективное и необъективное сомнение экономией сомнения в озарении непосредственной интеллектуальной интуиции, что во внутреннем аспекте есть решение задач, а во внешнем — решение правильно поставленных познавательных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кун Т. *Структура научных революций*. Москва, АСТ, 2009, 310 с.
- [2] Гельвеций К. *Об уме*. Москва, ОГИЗ, 1938, 396 с.
- [3] Платон. *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1*. Москва, Мысль, 1990, 860 с.
- [4] Кант И. Критика чистого разума. В кн.: *Сочинения. В 6 т. Т. 3*. Москва, Мысль, 1964, с. 142.
- [5] Плешков А.А. Философия языка в диалоге Платона «Тимей». *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*, 2015, т. 2, № 1, с. 7–19.
- [6] Грязнов Б.С. *Логика. Рациональность. Творчество*. Москва, Наука, 1982, с. 114.

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Жданов С.Г. Сомнение и интуиция в античной философии. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-598>

Жданов Сергей Геннадьевич — соискатель МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: serzh.g.zhdanov@list.ru

Doubt and intuition in ancient Philosophy

© S.G. Zhdanov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article considers the relation of biased and objective doubt, as well as intuition in the philosophy of Socrates, Plato and other ancient thinkers.

Keywords: *intuition, biased doubt, objective doubt, necessity, ancient philosophy, cognition*

REFERENCES

- [1] Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. University of Chicago Press. Publ., 1962, 210 p. [In Russ.: Kuhn T.S. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow, AST Publ., 2009, 310 p.]
- [2] Helvétius C.A. *De l'esprit; or, Essays on the mind, and its several faculties*. London, Vernor, Hood and Sharpe Publ., 1810 [In Russ.: Helvétius C.A. *Obume*. Moscow, OGIZ Publ., 1938, 396 p.]
- [3] Plato. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh. Tom 1* [Collected Works. In 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1990, 860 p.
- [4] Kant I. *Critique of Pure Reason*. Palgrave Macmillan Publ., 1929 [In Russ.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. In: *Sobranie sochineniy. V 6 tomakh. Tom 3*. Moscow, Mysl Publ., 1964, p. 142].
- [5] Pleshkov A.A. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina — Bulletin of Pushkin Leningrad State University*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 7–19.
- [6] Gryaznov B.S. *Logika. Ratsionalnost. Tvorchestvo* [Logics. Rationality. Creation]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 114 p.

Zhdanov S.G., Applicant, Bauman Moscow State Technical University.
e-mail: serzh.g.zhdanov@list.ru